

Как часто мы, говоря о войне, представляем окопы, бомбардировщики, взятые рейхстага. Тех же, кто трудился в тылу, зачастую не то что забываем, просто отводим на «второй план». А ведь именно их руками обеспечивалась победа. А студенты... Они не просто учились, они еще и работали.

Автор газетной статьи Мария Николаевна Сеницына – выпуск-

ница химфака ПГУ (тогда Молотовского госуниверситета) 1946 г. После окончания университета всю жизнь проработала химиком-энергетиком... Сейчас ей 80 лет, она живет в г. Сарове, откуда и прилетела эта весточка к нам в Пермь.

Газету с этой статьей мне привезла коллега, которая ездила в Саров по приглашению, выступала с лекцией в Доме Культуры. Узнав,

что она из Перми, Мария Николаевна подошла к ней познакомиться, передать привезшим своим старым друзьям и родным, переписка с которыми прервалась из-за пустяка: в переездах потерялась записная книжка с адресами.

Я читала её статью о студентах войны и не могла сдержать слёз. Написала ей, послала буклет об университете и газету “Пермский уни-

верситет”, посвящённую встрече выпускников 1950 г. Завязалась переписка.

М.Н. Сеницына – удивительная женщина, сохранившая благодарную память об Alma Mater, о наших профессорах тех далёких лет. Её письма можно было бы включить в новый сборник воспоминаний об университете.

Р.А. ОШУРКОВА

Дорогие ветераны, участники боевых действий и труженики тыла! Сердечно поздравляем вас с праздником Победы! Желаем здоровья, благополучия, частых встреч с друзьями и коллегами!

— Студенты войны —

В войну я училась в Пермском университете на химическом факультете. Ещё в Финскую войну решила: перейду в лёгкое училище. Записалась в аэроклуб, прыгала с вышки и прошла почти всю комиссию, кроме хирурга, который меня забраковал, назначил на операцию и сказал, чтобы даже после операции не мечтала летать. Очень переживала. А жаль, я ведь была неплохим “Ворошиловским стрелком” и в десятом классе в Челябинске на соревновании школ по стрельбе из боевой винтовки взяла первый приз. И на войне была бы снайпером, но не судьба... Тогда я решила кончить годичные курсы медсестёр без отрыва от учёбы. Закончила, и мне это ох как пригодилось, когда мы выхаживали раненых в госпиталях Перми.

Все годы войны нас вызывали в университет к 1 августа. И сразу же отправляли на уборочную, на два-два с половиной месяца. Мы ездили всегда в Верещагинский район. И удивительно: что бы мы ни убирали – картофель, лён, пшеницу – справлялись лучше, чем хозяева... А жили как? Октябрь, дождь со снегом, а мы, двадцать пять человек, ютились в неотапливаемом деревенском клубе, спали вповалку на соломе, укрывались пальто. Мокрая одежда за ночь не высохла. В пять утра натягиваем мокрую одежду, обувь – и на работу. И, удивительно, никто не заболел.

Была и приятная работа. Возила я снопы льна с поля в сушилку. Дали мне коня – красавец, серый в яблоках – прямо картинка, и я его полюбила: поглажу, приласкаю и лицом к морде прижмусь, и картошечки ему варёной принесу... Здесь нас кормили хорошо: сварят картошки, дадут молока и хлеб без ограничения.

А ещё была опасная и трудная работа – тушили горящий под землёй торф, недалеко от города. Горел он долго, месяцами, и каждый студент обязан был отработать на пожаре. Учёба идёт своим чередом, а какая-то группа тушит пожар – потом нагоняли, что пропустили.

И до тех пор мы тушили этот пожар, пока не провалился у нас один студент первого курса физмата. Спасать даже не пытались – упал в самое пекло, и земля обвалилась – хоронить было некого. Я помню, мать его приехала и у нас на глазах сошла с ума. Он был один у неё, ему было всего пятнадцать лет – он был какой-то “вундеркинд”, за 9 и 10 кл. сдал экстерном и поступил на физмат, и всё, а ведь мог бы быть вторым Сахаровым или Харитоновым.

После этого случая нас перестали “гонять” на этот пожар. И на обеде к затхлой пшённой размазне стали давать по две горошинки витаминов. И мы поняли – нас всё-таки берегут.

Очень трудно и голодно пришлось, когда в наш университет поселилось эвакуированное из Москвы министерство угольной промышленности. Они отобрали половину зданий университета, взяли под квартиры своих работников лучшее четырёхэтажное общежитие, и мы стали ютиться в старых бараках по двенадцать человек в комнате, где ранее жили по шесть. Но главное, они забрали нашу столовую. И мы целые полгода испытывали настоящий голод, пока сами не построили себе столовую. А как трудно далась нам эта стройка! Голодали же страшно – получишь по карточке четыреста грамм хлеба, более ничего по карточкам не давали. Четыреста граммов – это мокрый, маленький кусочек хлеба с охвостьем, с примесью гороха. Отломил кусочек и долго сосеешь его во рту, думаешь, продлю на два раза, смотришь, а он уже кончается. Ну и оправдываешь себя – “да уж ладно, съем весь, хоть раз досыта”, а сама бы ещё два-три по сто грамм съела. А учиться и строить столовую, да ещё голодом, сил не хватало.

Потом мы догадались сдавать кровь – донорам по карточке давали шестьсот граммов хлеба, да и накормят перед сдачей как следует, и по шестьдесят рублей за сто граммов крови заплатят. Я сдавала четыре раза – один килограмм четыреста граммов крови. Потом родители в письмах запретили сдавать кровь, но тут “столовку” открыли: всё-таки какая-никакая мучная затируха, да каша, да четыреста граммов хлеба – жить можно.

В начале войны обучение следовало платным. Где взять деньги? Стипендия была сто восемьдесят рублей. Родители помочь не могли. Около половины студентов покинули институты – пошли работать. А мы, девушки, решили заработать эти деньги – ходили разгружать вагоны на железнодорожную станцию Пермь II и баржи на пристани. Разгружали тёс, ящики, мешки, носили груз вчетвером. И всё-таки заработали – и заплатили за первое полугодие, а за второе мне прислали родители. (Потом наверху кто-то одумался, когда потеряли 50% учащихся в вузах.) Придётся с разгрузкой, семь потов с тебя сошло, а помыться негде – в общежитии только умывальники с холодной водой, а в баню надо выстоять очередь три-четыре часа – и, что греха таить, вши у нас были, выведешь

их, а они опять откуда-то появляются... Так и мучились, а ведь изучали высокие материи – строение вещества, мироздание вселенной и даже историю мировой и русской культуры и искусства...

Была у нас пять лет почти постоянная работа. Недалеко от города, в реке Каме, каждую осень застывало много плотов сплавного леса. Топлива в городе катастрофически не хватало, так мы, студенты, а в городе было 9 вузов, систематически работали на вытаскивании стволов лесосплава, а вырубленные изо льда стволы поднимали на высокий берег (десять-четыре-надцать метров). И вот мы, по тридцать-сорок человек, одни девушки – ребят уже давно расфасовали по высшим военным заведениям – один ствол, как муравьи, опутаем верёвками – и ведь поднимали. Правда, нами руководил один опытный старичок, “раз, два, взяли” – командовал он, и мы эти рубежи “брали”.

И ещё была у нас лёгкая, очень опасная, ядовитая, но необходимая работа!

Когда я была на третьем курсе, наш химический факультет обязан был производить наркотный эфир для фронта и госпиталей. А эфир – наркотик, да ещё огне- и взрывоопасен! Первый и второй курсы мыли бутылочки под него. Мы, третий курс очищали его на трёх перегонных кубах, за десять минут выпускали три бутылочки эфира по двести граммов. А изготавливали эфир-сырец старшие курсы – где-то в подвале химфака, работали все химики после уроков по два с половиной часа, работа вредная – и то не все выдерживали, бывало, тут же на работе и свалится – таких слабеньких отстраняли. Надышишься, придёшь, брякнешься на постель прямо в одежде, думаешь – хоть пять минут полежу, отдохну, и уснёшь – утром голова тяжёлая, подташнивает, но потом расходишься, и ничего – молодые ведь были!

В общей сложности на производстве эфира я работала семь месяцев. И вот, когда вычли у нас годы учёбы из общего трудового стажа, а всем, кто работал в войну хотя бы шесть месяцев, установили надбавку к пенсии в количестве минимальной зарплаты, я написала в университет, чтобы выслали мне справку о том, что я работала на производстве эфира. Мне ответили официально, что я не первая обращаюсь. Да. Всем известно, что химфак изготавливал наркотный эфир для госпиталей города и фронта, но мы по этому поводу не имеем в архивах никаких официальных приказов и распоряжений ректора, на что бы мы могли со-

слаться при выдаче справки – неизвестно, кто работал, когда и сколько. Видите, как было просто: звонок ректору – устный приказ, и мы работали. Конечно, при уважении к людям можно было бы кое-что восстановить – ведь были же, наверное, накладные на получение сырья для производства эфира с датами и, наверное, какие-то документы на отправку готового продукта – а вот кто работал? Современные чиновники в университете, очевидно, усомнились – может, были наёмные рабочие? Нет, не было таких, работали мы.

Мы тогда ни на что не роптали и не жаловались – Родина была в опасности! Все студенты во всех городах Союза работали на всевозможных работах.

А когда мы не работали на какой-то специальной работе – были такие промежутки, то, отсижив на лекциях, бегали в госпиталь, а в воскресенье шли туда на весь день. Медперсонала не хватало. И мы там ох как были нужны – кому письмо домой напишешь, кому пить подашь, кому утку, кого накормишь с ложечки, а иногда чистоту наведёшь – помоешь пол в палате и приберёшься в тумбочках раненых. Часто развлекали их – читали стихи, рассказы, пели песни под гитару, а иногда просто заводили патефон. Солдаты были довольны, когда мы дежурили, и часто делились с нами своими личными проблемами.

Но и здесь были трагедии – кому ногу отнимают, а кто и совсем умиреет.

Однажды, помню, привезли к нам в госпиталь две машины тяжело раненых с поезда и, похоже, что их не перевязывали от самого фронта, они были в ужасном состоянии. Запах повис в воздухе жуткий – был июнь. Меня послали к врачу помогать готовить раненых к осмотру и перевязке. Занесли раненого – я стала вскрывать повязку на правой ноге – осторожно расстригла на бедре повязку – она заскорузла – я стала её тихонько раздвигать и увидела страшное! Рана во всё бедро – внизу белая-белая берцовая кость, а вокруг на мышцах черви копошатся – под ними мясо красное, а у краёв раны червей нет и края раны чёрно-фиолетовые... И надо же было так случиться – меня вдруг совершенно неожиданно вырвало, иногда сначала делается дурно, и быстро что-то предпримешь, а здесь – мгновенно! И я окатила всего раненого, и рану, и даже в лицо попало. Я очень испугалась и убежала, спряталась в туалете. Уборщица меня нашла. “Пойдём, мы обиходили его, перевязали и переодели – он уже в палате, иди помогай. Работы-

Ну, вернулась я, стыдно глаза поднять, а врач, никогда не забуду, Рэной Борисовной звали, ткнула мне в рот раскуренную папиросу: “На, замарай во рту – тошнить не будет”. Я задохнулась, закашлялась, и правда, это как-то отвлекло, голова закружилась, и больше меня не тошнило, но с этой папиросы я закурила на сорок лет...

А перед тем раненым я извинилась и заплакала, а он (ему было лет пятьдесят) сказал: “Успокойся, детка, всё бывает, а это не самое страшное”. Мы потом подружилось, и я всегда делала для него что-нибудь приятное...

Вспомнила ещё эпизод. Мы сидели на занятиях. И вот входит в аудиторию старушка – лицо тёмное и всё в морщинах – мы подумали, инспектор, наверное. А она села рядом со мной на первую парту, достала тетрадь, чернильницу и пишет лекцию по физхимии. Познакомились, оказывается, она из блокадного Ленинграда, и ей всего двадцать пять лет, всего-то на четыре года старше меня! И лишь месяца через четыре Галка превратилась внешне в нормальную девушку. Это моя подруга до сих пор, она живёт в Перми, ей восемьдесят четыре года.

Как нам было тяжело, горько, когда слушали по радио, как сдавались наши города один за другим, враги подошли к Москве, надежды почти никакой, он ведь с нами воевал ресурсами всей Европы – как было трудно учиться и морально, и физически – голодно, холодно – об этом можно судить по тому факту, что в 1946г. университет окончили из четырёхсот поступивших всего сорок пять – сорок семь человек, т.е. около десяти процентов; нас, химиков, двенадцать человек, а физмат два человека – остальные геологи, биологи и литераторы...

Хорошо помню конец войны. В шесть утра слышу “капитуляция”, я пулей вскочила и побежала к сестре домой – она работала директором школы-десятилетки, бегу железным мостом через железнодорожные пути, а навстречу идёт, очевидно, машинист паровоза, лицо от копоти чёрное-чёрное, наверное, только сменился, кричу: “Война кончилась”, мы обнялись и расцеловали друг друга. Я побежала дальше. Сестра встретила меня вопросом: “Ты что такая грязная – всё лицо в саже”. “Война кончилась” – кричу, а у них дети спят ещё, радио ещё не включено. И вот мы обнялись все – заплакали – радуемся и плачем – она, я, её свекровь и её золовка – радуемся и плачем!

М.Н. СЕНИЦЫНА
(Печатается с сокращениями)